

Выбор без выбора: Россия как триггер смены мирового порядка

Межевич Н. М.^{1, 2, *}, Хлутков А. Д.³, Шамахов В. А.³

¹Институт проблем региональной экономики Российской академии наук, Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Институт Европы Российской Академии наук, Москва, Российская Федерация; *mez13@mail.ru

³Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Глобальная нестабильность как фактор смены мирового порядка нарастала постепенно. Дискуссия о новом системном кризисе началась уже в тот момент, когда мир и Европа еще преодолевали последствия экономического кризиса 2007–2009 гг. Однако перед нами не экономический и даже не политический кризис, а системное разрушение мирового порядка, который больше не восстановится. Украина только показала то, что она и есть слабое звено, где все глобальные проблемы интегрируются в единое целое и предлагаются на решение России.

Ключевые слова: Россия, Украина, Европа, США, мировой порядок, кризис, экономика, постсоветский транзит, интеграция, Европейский союз

Для цитирования: Межевич Н. М., Хлутков А. Д., Шамахов В. А. Выбор без выбора: Россия как триггер смены мирового порядка // Управленческое консультирование. 2022. № 3. С. 10–16.

Choice without Choice: Russia as a Trigger for a Change of World Order

Nikolay M. Mezhevich^{1, 2, *}, Andrey D. Khlutkov³, Vladimir A. Shamakhov³

¹Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

²Institute of Europe of Russian Academy of Science; Moscow, Russian Federation; *mez13@mail.ru

³Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPА), Saint Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

Global instability as a factor in the change of world order increased gradually. The discussion about a new systemic crisis began already at a time when the world and Europe were still overcoming the consequences of the economic crisis of 2007–2009. However, we faced with not an economic and not even a political crisis, but a systemic destruction of the world order, which will no longer be restored. Ukraine has only shown that it is a weak link, where all global problems are integrated into a single whole and proposed for Russia's solution.

Keywords: Russia, Ukraine, Europe, USA, world order, crisis, economy, post-Soviet transit, integration, European Union

For citing: Mezhevich N. M., Khlutkov A. D., Shamakhov V. A. Choice without Choice: Russia as a Trigger for a Change of World Order // Administrative consulting. 2022. N 3. P. 10–16.

Главный вопрос вчерашнего дня — это поиск общего языка в диалоге России и некоего коллективного Запада. Главный вопрос сегодняшнего дня — формат нового мира и анализ места России в нем. Какое место нам предложили? «Люди, жизненными силами которых являются идеи Достоевского, Толстого и Ленина, не могут

создать прочную социальную организацию. Они должны скатиться к условиям полного варварства» [9, с. 145–146]. По ряду причин мы с этим не согласились.

Москва сделала очень крупную ставку. «Успешно выйти из коллизии Россия может, если нынешний кризис реально станет концом прежнего мирового устройства. Иными словами: чтобы не Россию вытолкнули из общей системы, а система просто перестала существовать. И начала формироваться другая — на условиях, совсем не таких, как в предшествующие три с лишним десятилетия» [7].

Частью этой масштабной проблемы является модель диалога России со странами Европы. Вопросы, связанные с Украиной, — это не более чем часть от части. С этим вопросом и раньше были проблемы. Продолжение политики расширения НАТО и втягивания в блок, формально или неформально, Украины создает неприемлемую для России ситуацию в области безопасности [3]. Укажем на точку зрения авторского коллектива. Мы исходим из того, что абсолютно большая часть проблем российско-украинских отношений имеет не внутренний, а внешний генезис. Объективно имеющийся набор проблем двусторонних отношений был взят в разработку и на сопровождение теми силами в Европе, которые были готовы решать свои проблемы как за счет России, так и за счет Украины.

Вопрос о выстраивании отношений с Европой имеет многовековую и непростую историю. В известном фильме «Иван Васильевич меняет профессию» описана ситуация с «толмачом — немчином, которому переводить, а он лыка не вяжет, мы его в кипятке и сварили». Если серьезно, то с точки зрения историков первым иностранным языком был польский, затем немецкий, французский, и наконец мы все признали английский язык бизнеса и дипломатии. Мы выучили язык, но не нашли понимания.

Еще польская экспансия на восток обосновывалась лозунгом приведения московитов к некоторому средневропейскому стандарту. Народное восстание, поддержанное частью элиты, победило лишь потому, что общество оказалось мудрым и более единым, чем власть. Так закончилось Смутное время.

Петр Великий не был «западником» или «почвенником», эти понятия появились существенно позже. Петр Первый был реалистом и прагматиком, акцептируя те черты западного общества, которые были необходимы для модернизации. Весь XIX век блестящий турнир умов демонстрировал попытку найти единственно возможный путь развития России. Революции начала XX века, по сути, проекты западного философского и политического влияния, в конечном счете развернули СССР в режим выживания и создания своего альтернативного проекта. Крах проекта неизбежно привел маятник в сторону безграничного и бесконечного западничества. Россия просила признать ее своей, в этом ей было отказано. Россия просила взять ее «младшей среди равных» — и в этом ей было отказано. Пятнадцать лет Президенты России В. В. Путин и Д. А. Медведев просили о диалоге. Ответы были издевательством: по форме или по содержанию, или и тем и другим одновременно.

Почему мы оказались в текущем положении? Часть причин носит не внешний, но внутренний характер. За печальные 90-е сформировался образ России как страны, где голландский спирт «Рояль» закусывают китайской тушенкой «Великая стена», а Президент «работает с документами». Да и «новые русские» в те не очень далекие годы, пролетая на мерседесах мимо мидовской высоты, спрашивали друг друга: как? Это еще не бизнес-центр? Ответим. Это Министерство иностранных дел. В это здание уже вернулся дух крестьянского сына Министра иностранных дел СССР Андрея Андреевича Громыко и тихо произнес слова Министра иностранных дел Российской Империи князя Александра Михайловича Горчакова, признанного Рюриковича: «Россия сосредотачивается».

Итак, Россия сосредотачивается, увы, медленно. Демпартия США готова пойти в электоральную битву за неустойчивые штаты, которую планируют выиграть на

полях Херсонщины и под Мелитополем. Западная Европа дает мастер-класс пиара «Гиббельс с нами».

Что же произошло? Первоначально казалось, что после ужаса десятков европейских войн стал очевиден бесспорный триумф европейской идеи, восходящей к идеям чешского (т. е. Центральноевропейского) князя Йиржи из Подебрад, европейского политика и дипломата¹. Однако в конце второго десятилетия нового века Европейский союз переживает сложное время. Пытаясь упредить нестабильность на своих рубежах, он сам становится источником турбулентности. Все менее гибкий и все более неповоротливый, ЕС все чаще включает аппарат бюрократического давления, стремясь заглушить голоса растущего недовольства. Словно попав в ловушку замкнутого круга, Евросоюз не в силах найти решение внутренних и внешних проблем, множущихся подобно снежному кому.

Последние 15 лет Евросоюз демонстративно бил в барабаны собственных успехов, игнорируя масштабный внутренний кризис [13]. В это же время Россия постепенно пересмотрела подходы к внешней политике в целом и отношениям с ЕС в частности. Россия стала воспринимать себя как важного игрока на международной арене и требует, чтобы Евросоюз относился к ней как к равному партнеру. Однако Брюссель долгое время игнорировал эти изменения, в результате чего в отношениях между Россией и ЕС наступила стагнация, затем кризис, затем прямое столкновение.

ЕС умер в том виде, в каком его замыслили великие европейские реформаторы Р. Шуман и Ж. Монне. Однако смерть интеграционного проекта в его постшумановской модели не означает краха великой европейской идеи и вовсе не обязательно приведет к краху Европы в целом. Европа была и будет, но будет — другой. С великой европейской идеей нынешняя модель ЕС имеет общего не больше, чем идеи утопистов-социалистов Франции и Великобритании с северокорейской практикой. Понимают ли это в Варшаве, Братиславе, Праге, Будапеште? Безусловно. Безоговорочная ориентация Польши на США не свидетельство силы США, но свидетельство слабости ЕС.

Проблемы европейской интеграции сегодня очевидны не только для европейцев, но и для всего мира. Прежняя модель европейской экономической и политической интеграции исчерпала себя. «То, что выглядело триумфом ЕС, обернулось неоднозначными последствиями и явными неудачами, а набранная им скорость продвижения к новым рубежам европейской интеграции оставляет теперь впечатление поспешности. Конечно, в нынешних зловключениях ЕС огромную роль сыграл внешний фактор — глобальный финансово-экономический кризис. Однако первые осложнения возникли до него, и первопричины кризисного состояния ЕС следует искать внутри него» [1, с. 35].

Почему это произошло? Во-первых, государства Европы не умеют договариваться между собой. Коалиции внутри европейской коалиции стали нормой. В попытках выработки общей линии не идеальные по канонам демократические процедуры на Западе Европы тем не менее работают, а на Востоке отсутствуют. Используя коды Киплинга, скажем: когда опытные европейские волки действуют стаей, восточная Европа реализует принцип «каждый сам за себя». Результат категорически не устраивал Вашингтон, которому нужна именно сплоченная стая.

Поставленная задача предполагала целеполагание, которое могло объединить всех младоевропейцев. Цель — Россия, а на острие удара была поставлена Украина. Именно на Украине сработал принцип: «стихия национализма — государствен-

¹ Йиржи из Подебрад (Jiří z Poděbrad) (1420–1471) — чешский король в 1458–1471 гг. Выдвинул проект объединения главных европейских монархов и обеспечения мира в Европе на основе углубления политического сотрудничества.

ное строительство» [5, с. 6]. Нигде, в том числе и в Польше, национализм не стал единственной основой государственного строительства. Неуправляемое сползание в болото национализма в Польше началось 8–10 лет назад, после двух десятилетий поступательного экономического роста, масштабных достижений во внутренней политике. Да, «неолиберальная глобализация не уделяла должного внимания реальности национальных государств» [Там же, с. 11]. Это справедливо и для России, и для Украины.

В целом в Восточной Европе прослеживается неудачная попытка демонтажа национального государства и его замены в рамках мировой экономики наднациональными структурами и регуляторами, теоретически более полно отвечающими интересам процесса глобализации. При этом только на Украине неолиберальная глобализация проходила на такой своеобразной основе, как идеология абсолютного национального превосходства.

Впрочем, вера в либеральный глобализм и его успех на востоке Европы изначально была не долгой. Уже к середине 1990-х выяснилось, что траектории посткоммунистических стран сильно не совпадают. Причем речь идет не о сравнении Чехии и Туркмении, а о близких изначально парах Литва — Беларусь, Беларусь — Украина. Ожидаемого линейного движения к какой-либо единой модели капитализма не наблюдается, а реальность в каждом случае сильно отличается от того, что было придумано [14]. Необходимо было найти новый объединяющий идеологический фальш-проект. Таким проектом стало построение антироссийских союзов.

При этом целеполагание коллективного Запада особо и не скрывалось. «Освоение «восточноевропейского ресурса» интеграционными структурами Запада должно было укрепить конкурентоспособность Европейского союза (ЕС) и Североатлантического альянса (НАТО) по отношению к другим центрам силы в современном мире» [4, с. 63]. Вот, собственно, и все «евангелие от Корэйбы», предельно точно и честно характеризующее интерес Брюсселя, Монса, Вашингтона.

Возникает ключевой вопрос не об «атлантическом интересе», с этим интересом все ясно. Поговорим о том, почему республики бывшего СССР оказались столь удобным материалом для выстраивания антироссийских конструкций? Для всех советских республик существовала общая проблема: «приходится преодолевать последствия краха государственной системы, а не просто распада СССР» [10, с. 60]. При этом, однако, необходимо учитывать ряд важных особенностей постсоветского региона. Прежде всего, еще 20 лет назад получившие независимость республики бывшего СССР в большинстве своем представляли собой скорее потенциальные, чем «состоявшиеся» государства [6, с. 175]. Возможно, это некоторое преувеличение, но проект «Украина» состоялся только тогда, когда ему официально дали название «Антироссия». В целом же успех Украины состоялся не в экономике и политике, а в антироссийской идеологии.

«На постсоветском просторстве и, прежде всего, в рамках западного периметра, как в своеобразном зазеркалье, привычные политические и экономические институты быстро обрели классическую евроатлантическую форму, но сохранили советские и постсоветские признаки» [8, с. 34]. Уточним, в случае Украины речь идет и о феодальных признаках, проверенных в нескольких Руинах.

Если пытаться найти элемент атлантической цивилизации, который оказал наиболее негативное влияние на Украине, то это непонимание принципов демократии. «При необходимости допустимы и оправданны отступления или даже отказ от определенных принципов и норм демократии, если это вызвано неизбежностью противостоять большому злу. В этом берут свое начало многие характеризующие

современную демократию черты: готовность лгать и обманывать общество во имя борьбы со злом, стремление контролировать общество во имя его же блага и безопасности, установление двойных стандартов во внешней политике посредством оправдания друзей и порицания врагов, следование интересам, а не принципам, игнорирование общественного мнения и манипуляция им — и при всем этом способность продолжать декларировать демократию и ее ценности» [12, с. 40]. Но именно это не было очевидно в Киеве.

Об экономических моделях. Справедливости ради следует отметить, что элиты Украины оказались в авангарде стран, не понявших того, что жесткие требования к бывшим союзным республикам по принятию *acquis communautaire* и заведомо асимметричные обязательства сторон (вначале фактический переход под юрисдикцию ЕС, а затем возможные бонусы от ЕС). Вспоминается программное требование Ш. Фюле, в то время комиссара ЕС по вопросам расширения и политики добрососедства, к Украине: «или вы вступаете в ЕС на наших условиях или не вступаете вообще». Иными словами, Украине, Молдавии, Грузии предложили предельно жесткий выбор в пользу ЕС за счет ухудшения сотрудничества с Россией и институтами постсоветской интеграции, заранее понимая, что это приведет к внутренней дестабилизации соответствующих стран. Это стало понятно слишком поздно, когда события на Украине не приобрели необратимый характер. «Условия интеграции надо было оговаривать на равноправной основе между равными партнерами, а не навязывать по принципу „бери что дают“»¹.

Немного экономической теории от теоретика, чьи политические взгляды в комментариях не нуждаются. Формирование эффективной государственности в абсолютно зависимых государствах в принципе невозможно. Предельно деликатно на это намекнул Е. Т. Гайдар: «Европейская ориентация позволила восточноевропейским странам решить проблемы переходного периода импортировать политическую и социальную стабильность, но в долгосрочной перспективе сократила свободу маневра в выработке национальной стратегии развития» [2, с. 22]. Прошедшие годы подтвердили справедливость этой оценки, добавить к которой можно лишь то, что свобода маневра продолжает убывать.

В «западных» постсоветских республиках, наиболее готовых к новой ситуации, были обозначены разные ориентиры и выбраны различные модели развития. Если элиты Прибалтики говорили о том, что готовы пойти на жертвы экономического характера ради независимости, то это соответствовало действительности. В Эстонии прямо заявляли, что готовы есть картофельную шелуху ради последующего роста. В 1990 г. элементы экономической блокады в отношении Литвы дали обратный эффект.

На Украине рассуждали иначе. Мы «житница, как Франция, кузница, как Германия, здравница, как Швейцария». В принципе это было верно. Но эта реальность стала таковой при СССР и являлась результатом труда не только жителей Украины. На Украине не ставился вопрос о ликвидации советского наследия, как в Прибалтике, оно рассматривалось как свое, изначально присущее, заработанное. Предполагалось, что Украина, выйдя из системы общесоюзных экономических отношений, окажется в существенном плюсе в системе межреспубликанских балансов. Это была грубая ошибка. Возник страшный конфликт между ожиданием и реальностью. В конечном счете смертельный для Украины.

Подведем итоги. Турбулентность продлится какое-то время и, вероятно, перейдет в другое качество. В XXI веке сформируются новые геоэкономические блоки. Один — вокруг США с их оставшимися глобальными возможностями. Второй —

¹ Мюллерсон Р. Европа: американцев — в дом, русских — вон [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/evropa-amerikantsev-v-dom-russkikh-von/> 17.05.2016.

Большая Евразия вокруг сотрудничества России, Китая, Индии, Казахстана, Ирана и ряда других государств. В этом контексте вслед за Ф. Лукьяновым отметим, что проект нового Шелкового пути, предложенный Китаем, это еще и способ «...использовать возможности на западном направлении, которые открывает европейская (в широком смысле) неразбериха» [7].

Да, различные инструменты по «наказанию России» могут, конечно, ухудшить эффективное развитие нашей страны. Однако при этом следует помнить предупреждение двух высокопоставленных экспертов, в недавнем прошлом — сотрудников Госдепартамента США: «До сих пор Запад больше был нацелен на наказание России и ее лидеров..., чем на решение проблем в отношениях, которые завели стороны в тупик» [11].

Сама практика работы с Западом предполагала работу по хорошо известному принципу «Я — начальник, ты — дурак». С этим подходом не согласились Минск, Ереван, Баку. Но прежде всего с ним не согласились Москва и Пекин. Этого достаточно для того, чтобы говорить о приближении новой модели мироустройства.

Литература

1. Борко Ю. А. Европа-XXI: дальше вверх или дальше вниз? [Электронный ресурс] // Европейская безопасность. 2011. № 26 (42). URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-564845.html>.
2. Гайдар Е. Т. Государственная нагрузка на экономику // Вопросы экономики. 2004. № 9. С. 4–23.
3. Караганов С. А. От конструктивного разрушения к собиранию // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. N 2. С. 52–69.
4. Корэйба Я. Интеграционные проекты на постсоветском пространстве // Обозреватель-Observer. 2012. № 6. С. 62–68.
5. Кувалдин В. Б. Глобализация и национальное государство: вчера, сегодня, завтра // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 1. С. 5–13.
6. Либман А. М. Политические барьеры для экономической интеграции на постсоветском пространстве // Журнал Новой экономической ассоциации. 2011. № 11. С. 175–178.
7. Лукьянов Ф. А. Старое мышление для нашей страны и всего мира // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. N 2. С. 5–10.
8. Межевич Н. М., Шамахов В. А. После 30 лет постсоветской интеграции. Почему потери заметны, а приобретения не так очевидны? // Международная жизнь. 2021. № 12. С. 24–33.
9. Мизес Людвиг фон. Либерализм. М.: Экономика : Социум, 2001. 239 с.
10. Уайт С., Лайт М., Лоуэнхардт Дж. Белоруссия, Молдавия, Украина: к востоку или западу? // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 7. С. 59–67.
11. Чарал С., Шапиро Д. Как избежать новой холодной войны [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 14.10.2014. URL: www.globalaffairs.ru/ukraine_crisis/Kak-izbezhat-novoi-kholodnoi-voiny-17041.
12. Krēsliņš U. Политическое развитие Латвии в 20 веке: от «демократии взглядов» и авторитаризма к «демократии денег» // Acta humanitarica universitatis Saulensis. Т. 7 (2008). С. 35–43.
13. Sapir J. Is Eurozone accumulating a historic lag toward Asia in the COVID-19 context? // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. № 1 (49). С. 192–203.
14. Stark D., Bruszt L. One Way or Multiple Paths: For a Comparative Sociology of East European Capitalism // American Journal of Sociology. 2001. Vol. 106. N 4. November. P. 1129–1137.

Об авторах:

Межевич Николай Маратович, главный научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация), главный научный сотрудник Института Европы РАН (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; mez13@mail.ru

Хлутков Андрей Драгомирович, директор Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, доцент; khlutkov-ad@ranepa.ru

Шамахов Владимир Александрович, советник ректора Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, научный руководитель Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС, (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор; shamakhov-va@ranepa.ru

References

1. Borko Yu. A. Europe-XXI: further up or further down? [Electronic resource] // European security [Evropeiskaya bezopasnost']. 2011. N 26 (42). URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-564845.html> (in Rus).
2. Gaidar E. T. State burden on economy // Economic issues [Voprosy ekonomiki]. 2004. N 9. P. 4–23 (in Rus).
3. Karaganov S. A. From constructive destruction to gathering // Russia in global politics [Rossiya v global'noi politike]. 2022. Vol. 20. N 2. P. 52–69 (in Rus).
4. Korejba Y. Integration projects in the post-Soviet space // Observer. 2012. N 6. P. 62–68 (in Rus).
5. Kuvaldin V. B. Globalization and the nation-state: yesterday, today, tomorrow // World economy and international relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]. 2021. Vol. 65, N 1. P. 5–13 (in Rus).
6. Liebman A. M. Political barriers to economic integration in the post-Soviet space // Journal of the New Economic Association [Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii]. 2011. N 11. P. 175–178 (in Rus).
7. Lukyanov F. A. Old thinking for our country and the whole world // Russia in global politics [Rossiya v global'noi politike]. 2022. Vol. 20. N 2. P. 5–10 (in Rus).
8. Mezhevich N. M., Shamakhov V. A. After 30 years of post-Soviet integration. Why are losses noticeable and acquisitions not so obvious? // International life [Mezhdunarodnaya zhizn']. 2021. N 12. P. 24–33 (in Rus).
9. Mises Ludwig von. Liberalism. M.: Economics: Society, 2001. 239 p. (in Rus).
10. White S., Light M., Louenhardt J. Belarus, Moldova, Ukraine: Towards East or West? // World economy and international relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]. 2001. N 7. P. 59–67 (in Rus).
11. Charap S., Shapiro D. How to avoid a new Cold War [Electronic Resource] // Russia in global politics [Rossiya v global'noi politike]. 14.10.2014. URL: www.globalaffairs.ru/ukraine_crisis/Kak-izbehat-novoi-kholodnoi-voiny-17041 (in Rus).
12. Kræsliņš U. Latvia's political development in the 20th century: from “democracy of views” and authoritarianism to “democracy of money” // Acta humanitarica universitatis Saulensis. Vol. 7 (2008). P. 35–43 (in Rus).
13. Sapir J. Is Eurozone accumulating a historic lag toward Asia in the COVID-19 context? // Journal of the New Economic Association. 2021. N 1 (49). P. 192–203.
14. Stark D., Bruszt L. One Way or Multiple Paths: For a Comparative Sociology of East European Capitalism // American Journal of Sociology. 2001. Vol. 106. N 4. November. P. 1129–1137.

About the authors:

Nikolay M. Mezhevich, Chief Researcher of Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation), Chief Researcher of Institute of Europe of RAS (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; mez13@mail.ru

Andrey D. Khlutkov, Director of North-West Institute of Management — branch of the RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Associate Professor; khlutkov-ad@ranepa.ru

Vladimir A. Shamakhov, Advisor to the Rector of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Research Supervisor of the North-West Institute of Management — branch of the RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), PhD in History, Professor; shamakhov-va@ranepa.ru